

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Д.М. Логинов

*к.э.н., с.н.с., Институт социального анализа и прогнозирования
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (Москва)*

ШОК И АДАПТАЦИЯ: ГОД ПАНДЕМИИ В ОЦЕНКАХ И ЖИЗНЕННЫХ ПРАКТИКАХ РОССИЯН¹

Аннотация. На материалах репрезентативных социологических опросов российского населения, проведённых Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в 2020–2021 гг., проанализировано социальное самочувствие и жизненные практики различных групп населения в период пандемии коронавируса. Показано, что в течение года эпидемиологической нестабильности произошло существенное сглаживание соответствующих опасений, которые к весне текущего года были значительными в восприятии менее трети россиян. Лишь 35% опрошенных отметили, что «год пандемии» не принёс в их повседневную жизнь заметных перемен, в то время как около 30% зафиксировали значительные изменения. Наиболее остро воспринимаются трудности, связанные с невозможностью привычного проведения досуга, существенные проблемы вызвали дистанционный режим работы или учёбы, а также ограничения доступности необходимых услуг. Вынужденный переход к дистанционной занятости в период острой фазы пандемии осуществили около четверти наёмных работников, в максимальной степени — жители мегаполисов. Как показало исследование, столь массовый переход оказался скорее негативным с точки зрения качества рабочих взаимодействий, однако позволил сгладить остроту шоковой адаптации на рынке труда. Более трети опрошенных отмечают, что к весне 2021 г. их материальное положение по сравнению с началом 2020 г. изменилось не в лучшую сторону. Распространённой формой адаптации оказалось обращение к кредитным ресурсам; определённый в исследовании интегральный уровень кредитного обременения показывает, что 40% населения обладают финансовыми обязательствами, в том числе 19% характеризуются средним уровнем обременения, а 7% — высоким. В течение периода, прошедшего с начала пандемии, государством был предпринят ряд мер, направленных на сглаживание социально-экономического напряжения путём прямой поддержки различных групп населения. Большинство опрошенных реализация таких мер была замечена, но только четверть сочли их достаточными, в то время как 43% отметили недостаточность объёма социальной поддержки.

Ключевые слова: население, социально-экономическая адаптация, уровень жизни, доходы, рынок труда, социальное самочувствие, COVID-19.

JEL: Z13, I31.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_4_105_120.

Год, прошедший с весны 2020 г., оказался для населения России одним из самых сложных в новейшей истории. Шок «первой волны» коронавирусной инфекции, беспрецедентные меры в сферах экономической и социальной активности, направленные на ограничение распространения COVID-19, разнообразные и растянутые во времени негативные эффекты пандемии — всё это оказало существенное влияние на жизнь россиян, потребовав от многих из них специальных адаптационных усилий. Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, по репрезентативным для населения России выборкам,

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

был реализован ряд массовых анкетных опросов², позволяющих выявить общественное восприятие институционального контекста, а также рассмотреть распространённость и продуктивность практик адаптации к складывающимся условиям жизнедеятельности.

Подходы к исследованию процессов социально-экономической адаптации в России

За последние десятилетия население России приобрело масштабный опыт социально-экономической адаптации к изменяющимся условиям внешней среды. Этот опыт неизменно находится в фокусе исследовательского внимания. Начиная с ранних этапов трансформационных процессов 1990-х гг., адаптационная проблематика вышла на первый план общественных дискуссий и стала предметом проведения специальных исследований. Были выделены и проанализированы различные аспекты этой проблематики: отношения между субъектами и формирующейся новой социально-экономической, институциональной, социокультурной реальностью; типология различных моделей поведения; адаптационные результаты; факторы и ресурсы адаптации (см., например, [Заславская, 1995; Гордон, 1994; Гордон, 1995; Римашевская, 1995; Шабанова, 1995; Резник, Резник, 1995] и др.).

Значительную роль в развитии методологии изучения адаптационных процессов сыграл ресурсный подход [Тихонова, 2006]. В данном контексте адаптация рассматривается с точки зрения индивидуального рационального выбора с опорой на соответствующие требованиям контекста ресурсы. На основе выделения различных критериев исследователями рассматриваются адаптационные модели и делаются выводы о степени их реализуемости разными группами населения. Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о доминировании пассивной модели адаптации при некотором нарастании тенденции распространения мобилизационной и креативной моделей [Авраамова, Дискин, 1997; Авраамова, Логинов, 2002].

В дальнейшем фокус исследований стал смещаться в сторону выявления социальных ресурсов вертикальной мобильности. На первый план выдвинулись задачи выявления доступности этих ресурсов, а также их продуктивности (см., например, [Авраамова, 2012]). В качестве основных ресурсов социальной мобильности выделялись образование (человеческий капитал) и полезные связи (социальный капитал). На основе проведенных эмпирических исследований был сделан вывод о соответствии механизма вертикальной мобильности сложившимся в России институциональным условиям.

С 2014 г. внимание стало переключаться на изучение социальных последствий экономического кризиса. Результаты исследований свидетельствуют о преобладании пассивных форм адаптации, нарастании негативных ожиданий относительно последствий кризиса для материального положения домохозяйств, перспектив занятости и экономического развития страны. Затяжной характер кризисных явлений, вызванных комплексом институциональных факторов, привел к снижению материального статуса массовых групп населения и актуализировал их адаптационную активность на основе имеющегося ресурсного потенциала [Авраамова, Малева, 2015; Российское общество..., 2016; Каравай, 2019; Козырева, Смирнов, 2018; Логинов, 2020a]. В зависимости от уровня ресурсной обеспеченности использовались два адаптационных вектора — пассивный и активный. Среди вариантов пассивной адаптации выделялись сокращение потребительских расходов, активизация возможностей личного подсобного хозяйства, наращивание долговой нагрузки,

² Социологические опросы проведены методом телефонного анкетирования по выборкам, репрезентирующим население страны в возрасте 18 лет и старше. Объём выборочной совокупности составил: март 2020 г. — 3500 респондентов, октябрь 2020 г. — 1600 респондентов, март 2021 г. — 3500 респондентов.

использование социальной помощи. Наиболее распространёнными активными формами при этом становились активизация усилий на рынке труда, инвестиции в человеческий капитал и диверсификация инвестиционно-сберегательного портфеля.

В 2020 г. актуализировалась проблема адаптации населения к новому кризису, вызванному пандемией COVID-19. Реализованные к настоящему времени исследования дают возможность представить характер восприятия изменившегося социально-экономического контекста [Логинов, 2020b; Латова, 2021], оценить спектр адаптационных усилий населения [Каравай, 2021], выявить особенности функционирования рынка труда в кризисный период [Ерицян, Русакова, Александрова, Усачева, 2021; Ляшок, 2021]. При этом незавершённость кризиса, высокий уровень неопределённости ситуации и неясность перспектив её развития являются очевидным фоном жизненных практик населения.

Восприятие ситуации и социальные ограничения

Весной 2020 г., в период первого эпидемиологического шока, населением было продемонстрировано достаточно серьёзное восприятие вирусной угрозы: почти половина опрошенных оценивали риски как существенные, в том числе 13% — как максимальные (рис. 1). Подобная оценка ситуации в совокупности с административными ограничениями экономической и социальной активности актуализировала практики жизненных ограничений. Две трети опрошенных зафиксировали у себя полное соблюдение «режима самоизоляции», предполагающего ограничение социальных контактов необходимым и разрешённым уровнем, а ещё 28% засвидетельствовали частичное соблюдение ими этого режима.

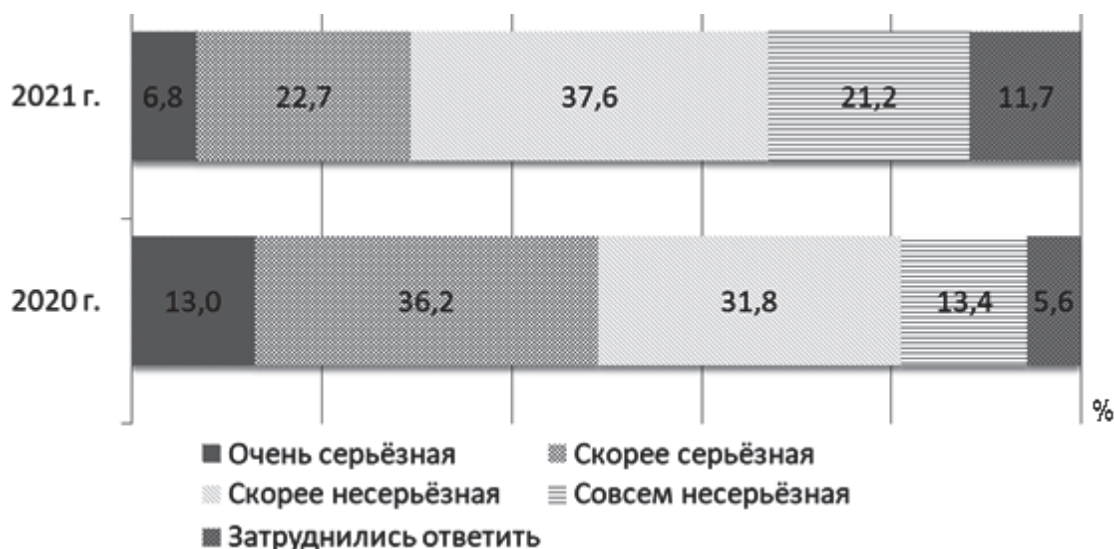

Рис. 1. Восприятие угрозы распространения коронавирусной инфекции в населённом пункте проживания

Источник: расчёты автора по данным репрезентативных социологических анкетных опросов россиян, ИНСАП РАНХиГС; март 2020 г., март 2021 г.

Рассмотрение социальных практик, реализуемых на стартовой фазе эпидемиологического кризиса, позволяет сгруппировать их по распространённости среди населения. Наиболее массовыми стали минимизация случаев выхода из дома (76%), использование средств индивидуальной защиты (72%) и соблюдение «социальной дистанции» (61%). Более трети опрошенных создали запасы продуктов питания и товаров первой необходимости. При этом 11% актуализировали потребительские практики, включающие доставку на дом продуктов и/или непродовольственных товаров, а каждый десятый временно сменил место жительства, переехав на дачу или в загородный дом.

Данные, полученные в марте 2021 г., иллюстрируют сглаживание первоначальной реакции на эпидемиологическую ситуацию. Первые месяцы года оказались периодом стабилизации численности инфицированных. На фоне начала массовой вакцинации и объективной усталости от многомесячных ограничений это подкрепило представления о конечности кризиса и стабилизации ситуации. В результате к концу первого квартала доля полностью и умеренно позитивных оценок ситуации приблизилась к 60%. При этом надо отметить, что распространённость мнения о сохранении достаточно серьёзной эпидемиологической угрозы, сократившись за год более чем в полтора раза, продолжала оставаться достаточно высокой (30%), а доля затруднившихся в оценке ситуации выросла почти до 12%.

Рассмотрение территориально-поселенческих различий показывает, что восприятие эпидемиологической напряжённости явным образом нарастало по мере увеличения размера населённого пункта (табл. 1). При отсутствии алармизма в оценках (максимальными вирусные риски виделись 6–8% населения в каждом из типов населённых пунктов), жители крупных городов проявляли обеспокоенность гораздо чаще. Суммируя оценки, характеризующие в большей или меньшей степени серьёзные опасения, мы видим, что различия между мегаполисами и небольшими населёнными пунктами (как городскими, так и сельскими) весьма значительны.

Таблица 1

Восприятие угрозы распространения коронавирусной инфекции в населённом пункте проживания, по типам поселений, в % по строке

Типы поселений	Очень серьёзное	Скорее серьёзное	Скорее несерьёзное	Совсем несерьёзное	Затруднились ответить
Города более 1 млн жителей	7,8	31,4	33,5	15,3	12,0
Города более 100 тыс. жителей	7,0	22,5	37,2	21,3	12,0
Города до 100 тыс. жителей	6,0	20,5	41,6	20,1	11,8
Сельские поселения	6,5	17,2	38,9	27,5	9,9
<i>В целом</i>	6,8	22,8	37,7	21,2	11,5

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян, ИНСАП РАНХиГС; март 2021 г.

В течение года, прошедшего с начала эпидемиологического кризиса, население массово столкнулось с различными ситуациями, актуализировавшими социальный негатив. Каждый из выделенных негативных социальных эффектов оказался, в большей или меньшей степени, проблематизирован его значительными группами. Наиболее остро воспринимались трудности, связанные с невозможностью привычного проведения досуга, которые отмечают почти каждый второй из опрошенных. Проблемы, вызванные дистанционным режимом работы или учёбы, неполной доступностью необходимых услуг, а также ограничениями в прогулках, были актуальны для 28–37% россиян. Ограничения в приобретении продуктовых и непродовольственных товаров ощутили 17% опрошенных (табл. 2).

Лишь 36% опрошенных отметили, что «год пандемии» не принёс в их повседневную жизнь заметных перемен, в то время как почти 30% зафиксировали значительные изменения (табл. 3). При этом различия по гендерным и возрастным группам крайне невелики: мужчины в несколько большей степени отметили неизменность жизненной ситуации, а представители самой молодой когорты чаще были представлены в группе незначительных изменений.

Таблица 2

Проблематизация негативных социальных эффектов в период март 2020 г. — март 2021 г., по самооценке респондентов, в % по строке

Негативные социальные эффекты, в период с марта 2020 г. по март 2021 г.	Уровень проблематизации		
	не фиксируется как проблема	некоторая проблема	существенная проблема
Проблемы, вызванные необходимостью работать или учиться в дистанционном режиме	64,1	26,9	9,0
Проблемы, связанные с постоянным присутствием многих членов семьи дома	71,9	22,7	5,4
Трудности с приобретением/получением необходимых продуктов и товаров	82,4	13,5	4,1
Трудности с получением периодически необходимых услуг (банк, почта, поликлиника, бытовые услуги и т.д.)	63,2	25,6	11,2
Невозможность гулять, регулярно бывать на свежем воздухе	70,5	20,5	9,0
Ограничения привычного проведения досуга	53,5	38,8	7,7

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян, ИНСАП РАНХиГС; март 2021 г.

Таблица 3

Самооценка изменений в жизнедеятельности в результате эпидемии коронавируса и мер противодействия её распространению, по социально-демографическим группам, в % по строке

Социально-демографические группы	Самооценка изменений		
	значительные	незначительные	не произошли
<i>По гендеру</i>			
Мужчины	27,7	33,6	38,7
Женщины	29,1	37,3	33,6
<i>По возрасту</i>			
18–34 лет	26,7	39,3	34,0
35–54 лет	28,4	35,6	36,0
55 лет и старше	29,8	32,9	37,3
<i>По типу поселений</i>			
Города более 1 млн жителей	31,4	40,0	28,6
Города более 100 тыс. жителей	32,1	36,4	31,5
Города до 100 тыс. жителей	26,0	34,4	39,6
Сельские поселения	23,3	32,3	44,4
<i>По группам материальной обеспеченности (по самооценке)</i>			
Высокое/Выше среднего	22,2	36,1	41,7
Среднее	21,7	39,7	38,6
Ниже среднего	30,9	37,1	32,0
Низкое	45,3	22,6	32,1
<i>В целом</i>	28,5	35,6	35,9

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян, ИНСАП РАНХиГС; март 2021 г.

Актуализация изменений привычной жизни явным образом нарастает в мегаполисах и городах среднего размера, в которых неизменность жизненных практик в условиях пандемии отметили около 30% опрошенных. При этом среди представителей небольших городских и сельских поселений доля отметивших отсутствие изменений составляет 40–44%. Уровень материальной обеспеченности, субъективно достигающий среднего, позволял минимизировать влияние прямых и косвенных ограничений, вызванных распространением коронавирусной инфекции, но даже в соответствующих сравнительно благополучных группах более 20% опрошенных ощутили влияние перемен. Респонденты, имевшие низкий материальный статус, существенно чаще оказались затронуты изменениями внешней среды.

Таким образом, опасения, связанные с эпидемиологическими рисками, к весне 2021 г. продолжали оставаться достаточно высокими, а изменения жизненных условий на протяжении кризисного года — значимыми для массовых групп населения.

Положение на рынке труда

Сложившаяся ситуация определила изменения в трудовой сфере с массовым переходом к новым формам занятости, в первую очередь — удалённой работе. Как свидетельствуют данные, приведённые на рис. 2, более четверти наёмных работников весной 2020 г. полностью или частично перешли на удалённую работу. В наибольшей степени соответствующий переход затронул женщин, жителей мегаполисов, а также представителей молодых и средневозрастных когорт.

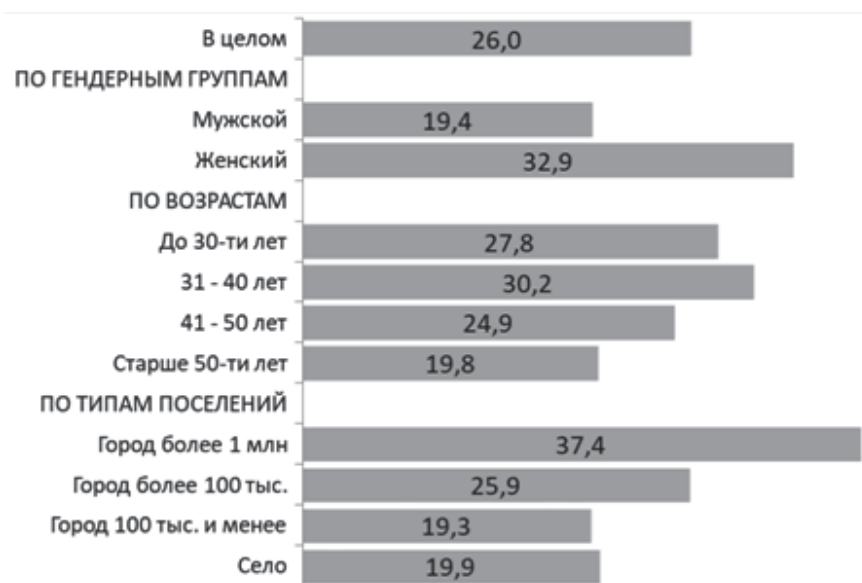

Рис. 2. Переход наёмных работников на удалённую работу в связи с вирусной обстановкой — по гендерным и возрастным группам, типам поселений, в %

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян, ИНСАП РАНХиГС; март 2020 г.

По активности перехода работников на дистанционную работу выделялись следующие отраслевые группы:

- ▶ финансовая сфера и информационно-коммуникационные технологии, в которых на удалённую работу перешли более половины работников;
- ▶ образовательная, здравоохранительная, научная деятельность, где рассматриваемый переход осуществили более 40% занятых;

- ▶ сферы культуры, спорта и организации досуга (около 30% сотрудников, перешедших на удалённую форму работы);
- ▶ отрасли государственного и муниципального управления, промышленности, транспорта, строительства, торговли, общественного питания и бытового обслуживания, где на удалённую деятельность перешли около 20% респондентов;
- ▶ силовые структуры и сельское хозяйство, в которых доля рассматриваемых переходов минимальна и составляет менее 10%.

Уровень образования являлся фактором, в существенной степени дифференцирующим распространённость переходов на работу в удалённом режиме: если в целом по занятым такой переход осуществили 26%, то среди имеющих высшее образование — 42%. Столь же значимы были различия по уровню материальной обеспеченности. Те, кто оценивали собственный достаток сравнительно высоко (т. е. занимали достаточно высокооплачиваемые рабочие места), заметно чаще, в около 40% случаев, осуществляли переход к соответствующему обстановке формату трудовой деятельности.

Представления респондентов о том, как повлиял переход на дистанционную занятость на эффективность трудовых взаимодействий, иллюстрируют негативное влияние данного процесса на эффективность работы. Только ничтожно малая доля (4%) осуществивших такой переход отметили улучшение трудовых взаимодействий, тогда как обратного мнения придерживаются около 38% опрошенных. Неудивительно, что по мере стабилизации эпидемиологической обстановки к концу I-го квартала 2021 г. большинство переходивших на удалённый формат занятости вернулись к привычному режиму труда, и доля работающих удалённо снизилась примерно до 9%.

Активность на рынке труда, связанная с поиском новой работы (в том числе вынужденным), традиционно выступает в числе массовых адаптационных практик в кризисных условиях. Как показывают результаты нашего исследования, в течение года после начала эпидемиологического кризиса нашли новую работу 19% занятых (в том числе 13% — сменили рабочее место). Вынужденные перемещения на рынке труда (сокращение, закрытие организации, ухудшение условий труда) произошли у 44% сменивших работу, а среди специалистов средней квалификации и рабочих — у более половины. Самая частая причина трудовой мобильности — собственная инициатива. Активнее всего на этом основании меняли работу занятые с высоким должностным статусом — руководители (около половины) и специалисты высшей квалификации (68%). Среди специалистов средней квалификации и рабочих смена работодателя по собственной инициативе происходила лишь в трети случаев, и представители этих групп существенно чаще руководителей и специалистов меняли работу вынуждено.

Более половины сменивших работу при этом перешли в новую сферу занятости. Здесь значительна дифференциация по возрасту и должностному статусу: чем моложе работник, тем с большей вероятностью он менял сферу занятости при нахождении нового рабочего места: в когорте до 35 лет таких 63%, а среди респондентов предпенсионного и пенсионного возраста — только 39%. Что касается должностного статуса, то чаще меняли сферу деятельности специалисты средней квалификации (62%) и рабочие (64%). Если учесть, что именно эти группы чаще меняли работу вынужденно, то можно предположить, что и отраслевая динамика носит во многом вынужденный характер.

Большинство занятых (63%) фиксируют наличие сложностей, связанных с выполнением рабочих обязанностей в период пандемии и эпидемиологических ограничений, в том числе 15% свидетельствуют о том, что эти сложности были весьма значительны. При этом «зона явной неудовлетворённости» занимаемыми позициями на рынке труда достаточно невелика и составляет около 15% работающих. Большинство (53%) характеризует достигнутые трудовые позиции значением «скорее удовлетворены», а каждый третий склоняется к однозначно положительной оценке.

Сберегательные возможности и кредитная нагрузка

Обладание сбережениями, наличие кредитной нагрузки и в целом особенности финансового поведения в значительной степени определяют течение и результативность адаптационных процессов. Как показывают результаты исследования, к октябрю 2020 г. на наличие сбережений указывали около 30% опрошенных. Ретроспективная самооценка показывает существенное сокращение сберегательных возможностей — 49% респондентов заявили о том, что имели какие-либо сбережения в начале прошлого года. Это иллюстрирует ситуацию негативного социоэмоционального фона — у представителей значительной группы домохозяйств существовавший до начала распространения коронавирусной инфекции «запас прочности» оказался исчерпан в течение нескольких месяцев эпидемиологического кризиса (рис. 3).

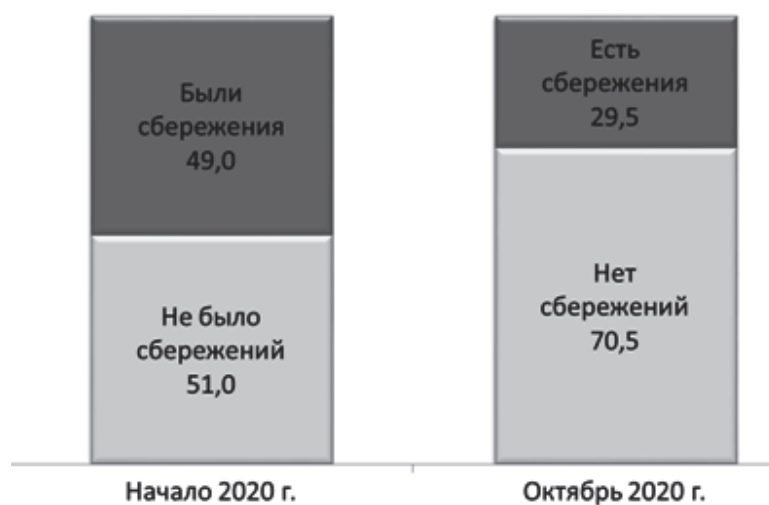

Рис. 3. Наличие сбережений в момент опроса и в ретроспективной динамике (по самооценке, в % от давших значимый ответ, октябрь 2020 г.)

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян, ИНСАП РАНХиГС; октябрь 2020 г.

Более половины опрошенных (56%) свидетельствуют о неизменности объёма сбережений по сравнению с предкризисным периодом; в эту группу включены и те, кто не имел сбережений ни в момент опроса, ни ранее. Другая массовая группа, составляющая 39% респондентов, — те, кто заявили о снижении объёма располагаемых ресурсов. Лишь около 5% отметили рост имеющихся сбережений.

Анализ объёма сбережений показывает, что 16% населения спустя полгода после начала кризиса обладали небольшими финансовыми резервами, создающими для домохозяйства запас прочности, не превышающий трёх месяцев. Средними и крупными сбережениями (позволяющими сохранять привычную потребительскую активность на протяжении периодов, соответственно, три–шесть месяцев и более полугода) обладали 6 и 7% опрошенных. 70% респондентов, как уже отмечалось, фиксировали отсутствие сбережений. В наибольшей степени такая ситуация характеризует представителей средневозрастной когорты (35–54 года) и сельских жителей.

На наличие кредитной нагрузки указали около 41% респондентов (в том числе 13% опрошенных имели ипотечный кредит, а 31% — кредит, не связанный с приобретением недвижимости). Две примерно равные группы (около 20% имеющих кредиты) можно охарактеризовать как имеющие минимальную или максимальную кредитную нагрузку. О просроченной кредитной задолженности при этом заявили около 9% кредитополучателей.

На основании полученных данных о наличии кредитов и трудностях с их погашением был определён интегральный уровень кредитного обременения. Выделены следующие группы:

- ▶ кредитное обременение отсутствует — 59,6%;
- ▶ низкий уровень обременения (наличие кредитной нагрузки, обслуживание которой не вызывает трудностей) — 15,1%;
- ▶ средний уровень (обслуживание имеющихся кредитов вызывает некоторые сложности) — 18,7%;
- ▶ высокий уровень (кредитная нагрузка является чрезмерной, и необходимые выплаты вызывают существенные затруднения) — 6,6%.

Минимальный уровень кредитного обременения характерен для представителей старшей возрастной когорты. В средних возрастах навес кредитной нагрузки наиболее весом (табл. 4).

Таблица 4
Уровень кредитного обременения, по возрастным группам, в % по строке

Возрастные группы, лет	Отсутствует	Низкий	Средний	Высокий
18–34	48,7	21,6	23,3	6,4
35–54	50,1	18,9	21,6	9,4
55 и старше	76,1	7,1	12,8	4,0
<i>В целом</i>	59,6	15,1	18,7	6,6

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян, ИНСАП РАНХиГС; октябрь 2020 г.

В дополнение к институциональным формам кредитования, население достаточно активно использует систему межличностных взаимодействий. Около 15% выступали как получателями, так и реципиентами долговых финансовых ресурсов (см. табл. 5).

Таблица 5
Получатели и реципиенты актуальных межличностных финансовых обязательств, в % по столбцу

Объём обязательств	Субъектность	
	получатели (имеют долги)	реципиенты (имеют должников)
Отсутствуют	85,3	84,2
Небольшой	6,1	10,1
Значительный	8,6	5,7

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян, ИНСАП РАНХиГС; октябрь 2020 г.

На основании комплекса полученных данных построена типология кредитно-сберегательного поведения, характеризующая население страны в октябре 2020 г. выделены следующие группы:

- ▶ наиболее благополучная в финансовом отношении; её представители обладали сбережениями и/или имели существенные возвратно одолженные суммы, при этом были свободны от кредитов и значительных межличностных долгов — 20,7%;

- ▶ финансово пассивная (не имеет ни сбережений, ни кредитов, а также не вовлечена в оборот существенных межличностных долговых обязательств) — 35,6;
- ▶ группа финансовой активности, в которой были одновременно актуализированы и сбережения, и кредиты, либо заменяющие их межличностные долговые обязательства — 10,9%.

Сегмент кредитно-сберегательного неблагополучия в наибольшей степени сконцентрирован в группе среднего возраста. При этом с переходом к каждой следующей возрастной когорте снижается доля сочетающих сбережения и заёмные средства и растёт наполненность финансово пассивной группы.

Уровень жизни

Распространение коронавирусной инфекции и связанная с этим социально-экономическая динамика, безусловно, отразилась на материальном благополучии россиян. Более трети опрошенных (37%) отметили, что к весне 2021 г. их материальное положение, по сравнению с началом 2020 г., изменилось не в лучшую сторону. Каждый второй при этом констатировал неизменность своего финансового положения, а 11% — его улучшение.

О падении доходов в годовой динамике сообщили представители всех социально-демографических групп, при этом с трудностями в наибольшей степени столкнулись как мужчины, так и женщины средневозрастной когорты. Доли работающего и не занятого населения, указавшие на сокращение доходов, сопоставимы. Однако занимающие высокие должностные позиции, а также квалифицированные специалисты, значительно чаще дают оптимистичную оценку: доля отметивших улучшение среди этих категорий составляет около 20%. В ситуации кризиса в наибольшей степени пострадали те, кто входят в состав низкодоходных групп — среди них доля сообщивших об ухудшении материального положения составила 57% (табл. 6).

Таблица 6

Динамика материального положения в период пандемии, по группам материальной обеспеченности, в % по строке

Уровень материальной обеспеченности (по самооценке)	Динамика материальной обеспеченности		
	ухудшилась	не изменилась	улучшилась
Низкий / ниже среднего	56,6	38,5	4,9
Средний	23,3	62,4	14,3
Выше среднего / высокий	12,6	53,1	34,3
В целом	37,5	51,0	11,5

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян, ИНСАП РАНХиГС; март 2021 г.

В связи со снижением доходов две трети опрошенных столкнулись с необходимостью экономить на потреблении привычных товаров и услуг. Результаты опроса показывают, что распространённость модели потребительской экономии слабо зависит от таких факторов, как место проживания, уровень образования, занятость и сфера профессиональной деятельности. Очевидно, что в максимальной степени на необходимости сокращения привычных расходов сказывается материальное положение — чем выше его уровень, тем, соответственно, менее была распространена подобная практика (табл. 7).

Таблица 7

Экономия на приобретении обычных для себя товаров и услуг в период пандемии, по группам материальной обеспеченности, в % по строке

Уровень материальной обеспеченности (по самооценке)	Экономия, отказ от покупки того, что обычно приобреталось ранее	
	предпринимали	не предпринимали
Низкий / ниже среднего	80,4	19,6
Средний	55,7	44,3
Выше среднего / высокий	35,4	64,6
В целом	65,4	34,6

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян, ИНСАП РАНХиГС; март 2021 г.

В результате треть опрошенных зафиксировали ухудшение уровня и качества своей жизни за год, прошедший с начала вирусной эпидемии, и лишь 9% характеризовали ситуацию как улучшение социального самочувствия. Ощущение удовлетворённости жизнью, безусловно, зависит от имеющегося уровня материального положения: существенно чаще об ухудшении говорили те, кто оценивают собственный достаток как «ниже среднего». Наиболее распространена позитивная динамика в молодёжных когортах, а гендерные различия практически отсутствуют (табл. 8).

Таблица 8

Динамика удовлетворённости жизнью в целом по сравнению с началом 2020 г., по половозрастным группам, в % по строке

Половозрастные группы	Динамика удовлетворённости жизнью (по самооценке)			
	ухудшилась	не изменилась	улучшилась	
Мужчины	18–34 года	24,4	54,4	21,2
	35–54 года	34,9	55,2	9,9
	55 лет и старше	37,8	58,5	3,7
Женщины	18–34 года	24,2	60,1	15,7
	35–54 года	36,2	56,9	6,9
	55 лет и старше	36,1	60,6	3,3
В целом	32,9	57,8	9,3	

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян, ИНСАП РАНХиГС; март 2021 г.

При этом значительная часть россиян выражают надежду на улучшение своего благополучия (такой оптимистический настрой спустя год после начала коронакризиса наблюдался у четверти опрошенных), а почти половина респондентов предполагает его стабильность. Чаще остальных об опасениях ухудшения собственной финансовой ситуации свидетельствуют те, чья материальная обеспеченность уже снизилась в течение кризисного года, и наоборот, — наибольшая доля настроенных оптимистично наблюдается среди респондентов, для которых кризис не актуализировал индивидуальных материальных рисков (табл. 9).

Таблица 9

Самооценка перспектив изменения материального положения в 2021 г., в зависимости от динамики материального положения в период пандемии, в % по строке

Динамика материальной обеспеченности	Самооценка перспектив изменения материального положения в 2021 г.			
	ухудшится	останется без изменений	улучшится	затруднились ответить
Ухудшилась	37,6	36,4	17,6	8,4
Не изменилась	7,3	61,2	24,0	7,5
Улучшилась	3,6	34,0	56,8	5,6
В целом	18,3	48,6	25,4	7,7

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян, ИНСАП РАНХиГС; март 2021 г.

Респонденты, по-разному оценивающие своё материальное положение, не совпадают в своих прогнозах относительно его перспективной динамики. Имеющие сравнительно высокий уровень благосостояния демонстрируют гораздо больший оптимизм. Те же, чьё материальное положение неблагоприятно, в три раза чаще, по сравнению с представителями среднедоходной группы, опасаются дальнейшего ухудшения.

Запрос на социальную поддержку

Массовые группы российского общества традиционно рассчитывают на государство в решении основных социально-экономических проблем и демонстрируют значительный уровень запроса на государственное содействие (см., например, [Аврамова, 2001; Салмина, 2012; Аникин, Лежнина, Мареева, Слободенюк, 2020]). Можно предполагать, что и в ситуации пандемии, когда, с одной стороны, россияне столкнулись с новой серьёзной угрозой, а с другой — государство декларировало включённость в решение эпидемиологической проблемы, подкрепив эту декларацию комплексом ограничительных мер, произойдет существенная актуализация соответствующего запроса. Мнения, высказанные россиянами весной текущего года, подтверждают это предположение: 52% опрошенных заявили, что нуждались в помощи во время пандемии, в том числе 16% отметили острую нуждаемость (табл. 10).

Очевидно, что запрос на социальную поддержку максимален среди респондентов с низким и ниже среднего показателями материальной обеспеченности. В этих группах потенциальными получателями помощи себя назвали, соответственно, 65 и 81% опрошенных. О том, что они нуждались в поддержке государства, заявили более 70% тех, чья материальная обеспеченность за рассматриваемый период снизилась. Существенным дифференцирующим фактором выступает также наличие в домохозяйстве одного или нескольких детей. Представители старшей возрастной когорты, жители мегаполисов и мужчины представляют группы, в которых соответствующий запрос оказался сравнительно низок, однако половозрастные и поселенческие различия составляют в каждом случае лишь несколько процентных пунктов.

За период, прошедший с начала пандемии, государством был предпринят ряд мер, направленных на сглаживание социально-экономического напряжения путём прямой поддержки различных групп населения. Большинство опрошенных реализация специальных мер поддержки оказалась замечена (лишь у 20% респондентов было зафиксировано суждение о том, что государство не предпринимает сколько-нибудь значимых мер, а 12% затруднились с ответом). Но только четверть опрошенных сочла реализуемые меры достаточными. В то же время 43% отметили их наличие, но посчитали объём социальной поддержки недостаточным.

Таблица 10

Социально-демографические группы, в которых максимизирован запрос на социальную поддержку в условиях эпидемиологического кризиса, в %

Социально-демографические группы	Доля нуждавшихся в социальной поддержке и помощи	В том числе доля остро нуждавшихся в социальной поддержке и помощи
Имеющие низкую самооценку материальной обеспеченности	80,7	40,9
Зафиксировавшие снижение материального статуса в период пандемии	72,5	29,5
Имеющие в составе домохозяйства одного или нескольких детей младше 18 лет	63,0	20,6
Жители сельских и малых городских населённых пунктов	53,9	17,4
Представители возрастной группы 35–54 года	55,3	19,1
Женщины	55,6	18,4
В целом	52,0	16,4

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян, ИНСАП РАНХиГС; март 2021 г.

Оценивая ситуацию в собственном домохозяйстве, 40% респондентов отметили факт получения помощи со стороны государства в условиях коронакризиса, в том числе для 15% оказанная помощь оказалась существенной. Ограничения эмпирической информации не позволяют провести дифференцированное рассмотрение действий, направленных на помощь различным группам населения, оказавшихся для их получателей действительно значимыми в кризисной ситуации. Можно предположить, что в данном случае речь идёт о комплексной рефлексии респондентов в отношении как постоянно действующих мер социальной поддержки, так и тех, которые были специально реализованы в течение прошедшего года.

* * *

Обобщая, стоит отметить изменение эмоционального фона восприятия ситуации спустя год после начала пандемии. Острота оценки эпидемиологических рисков по сравнению с «шоковой фазой» весны прошлого года существенно снизилась, однако к марту 2021 г. уровень соответствующих опасений продолжал оставаться достаточно заметным. При этом потери, связанные с ограничениями экономической и социальной активности, оказались для значительных групп населения страны крайне существенными.

Весной 2020 г. каждый четвёртый из занятых по найму приобрёл опыт дистанционной работы. Российский рынок труда получил новый критерий массовой дифференциации с взрывным расширением сегмента трудовых позиций, к которым применим дистанционный формат. Опыт дистанционной работы, полученный в условиях крайне ограниченной подготовленности трудовой и бытовой инфраструктуры, оказался скорее негативным с точки зрения качества рабочих взаимодействий, однако позволил сгладить остроту адаптации на рынке труда.

Время, прошедшее с начала коронакризиса, оказалось для населения периодом снижения уровня жизни. Треть опрошенных зафиксировали его ухудшение, в то время как

рост благополучия отмечался более чем втрое реже. Неудивительно, что в таких условиях произошло сжатие сберегательных возможностей и активизация практик потребительской экономии.

Реализация государством специальных мер социальной поддержки в кризисный период была замечена большинством населения. При этом только четверть опрошенных сочли эти меры достаточными, в то время как более 40% отметили их дефицит.

ЛИТЕРАТУРА

- Авраамова Е.М. (2001). Ожидания населения в меняющемся институциональном мире // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 22–29.
- Авраамова Е.М. (2012). Социальные ресурсы вертикальной мобильности: в ожидании модернизации // *SPERO*. №17. С. 85–96.
- Авраамова Е.М., Дискин И.Е. (1997). Адаптация населения и элит (Институциональные предпосылки) // *Общественные науки и современность*. №1. С. 24–33.
- Авраамова Е.М., Логинов Д.М. (2002). Социально-экономическая адаптация: ресурсы и возможности // *Общественные науки и современность*. 2002. № 5. С. 24–34.
- Авраамова Е.М., Малева Т.М. (2015). Социальные ресурсы населения в условиях потери экономической стабильности // *Вопросы экономики*. № 11. С. 86–99.
- Аникин В.А., Лежнина Ю.П., Мареева С.В., Слободенюк Е.Д. (2020). Кто и почему ищет государственной поддержки в новой России? // *Мир России*. Т. 29. № 1. С. 31–52. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-1-31-52.
- Гордон Л.А. (1994). Социальная адаптация к современным условиям // *Социологические исследования*. № 8–9. С. 3–15.
- Гордон Л.А. (1995). Область возможного: Варианты социально-политического развития России и способность российского общества переносить тяготы переходного времени. М.: ИМЭМО РАН.
- Ерищян К.Ю., Русакова М.М., Александрова А.А., Усачева Н.М. (2021). Пережить локдаун: изменения в занятости и психологическое благополучие населения в эпоху пандемии // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. №3. С. 250–270. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1893>.
- Заславская Т.И. (1995). Социальный механизм трансформации российского общества // *Социологический журнал*. № 3. С. 5–21.
- Каравай А.В. (2019). Основные модели социально-экономической адаптации в разных стратах российского общества // *Terra Economicus*. №17(3). С. 128–145. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145.
- Каравай А.В. (2021). Действия россиян по улучшению собственного материального положения в эпоху COVID-19 // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. №2. С. 121–137. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1837>.
- Козырева П.М., Смирнов А.И. (2018). Жизнь в условиях неопределённости кризисного общества: опыт и ожидания // *Социологические исследования*. № 6. С. 66–78. DOI: 10.7868/S0132162518060065.
- Латова Н.В. (2021). Ситуация в стране и перспективы ее развития через призму общественного мнения в период пандемии // *Социологические исследования*. 2021. № 4. С. 37–49. DOI: 10.31857/S013216250013734-0.
- Логинов Д.М. (2020а) Как российское население пережило кризис второй половины 2010-х годов // *Вопросы экономики*. №12. С. 41–61. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-12-41-61>.
- Логинов Д.М. (2020b). Социальное самочувствие российского населения в период острой фазы эпидемиологического кризиса // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. №6. С. 470–487. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1708>.
- Ляшок В.Ю. (2021). Российский рынок труда: время адаптации // *Экономическое развитие России*. Т. 28. №1. С. 61–63.
- Резник Т.Е., Резник Ю.М. (1995). Жизненные стратегии личности // *Социологические исследования*. №12. С. 100–105.
- Римашевская Н.М. (1995). О социальной цене реформ // *Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития*. М.: Аспект-Пресс. С.364–367.
- Российское общество и вызовы времени. (2016). М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова (ред.) Кн. 3. М.: Весь Мир.
- Салмина А.А. (2012). Социальные запросы россиян к государству: факторы формирования и межстрановые сравнения // *Мир России*. Т. 21. № 3. С. 133–164.
- Тихонова Н.Е. (2006). Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // *Экономическая социология*. Т. 7. № 3. С. 11–26.
- Шабанова М.А. (1995). Социальная адаптация в контексте свободы // *Социологические исследования*. №9. С. 81–88.

Логинов Дмитрий Михайлович

loginov-dm@ranepa.ru

Dmitry Loginov

PhD (Econ), Senior Researcher, Institute of Social Analysis and Forecasting, The Russian Presidential Academy of National and Public Administration. Moscow, Russian Federation

loginov-dm@ranepa.ru

A SHOCK AND THE ADAPTATION: THE YEAR OF THE PANDEMIC IN ASSESSMENTS AND LIFE PRACTICES OF THE RUSSIANS

Annotation. Basing on the materials of representative sociological surveys held by the RANEPA Institute of Social Analysis and Forecasting in 2020 — 2021, social well-being and life practices of various population groups within the period of coronavirus pandemic have been analyzed. It is shown that significant cutback in epidemiological fears, which had been substantial in perception of less than a third of population by the spring of the current year, has taken place during the year of epidemiological instability. Only 35% of respondents mentioned that the pandemic year did not make any changes in their daily life, whereas around 30% of respondents noticed significant changes. The most sharply perceived difficulties are associated with having customary leisure time, significant problems have been caused by remote regime of work and study, and availability restrictions in obtaining the necessary services. Forced switch to the remote employment whilst the acute stage of the pandemic had to accomplish around a fourth of employees, in majority dwellers of megapolises. As the survey showed, such a mass switch turned out to be rather negative from the point of working interactions quality, however, allowed to smoothen the acute stage of shocking adaptation at the labour market. More than a third of respondents pointed out that their financial status had not changed for the better by the spring 2021 in comparison with the beginning of 2020. The most common form of adaptation was an appeal to credit obligations and the defined in the survey level of credit encumbrance shows that 40% of population has financial obligations including 19% are characterized by an average level of encumbrance, and 7% are characterized by the high level. Over the pandemic period the government has implemented the set of measures directed at socio-economic tension settling down through the direct support of various groups of population. The majority respondents noticed implementation of the special supportive measures but only a fourth of respondents considered the measures to have been sufficient whereas 43% mentioned insufficiency of social support.

Keywords: *population, socio-economic adaptation, level of life, incomes, labour market, social well-being, COVID-19.*
JEL: Z13, I31.

REFERENCES

- Avraamova E.M (2001). Ozhidaniya naseleniya v menyayushchemsya institucional'nom mire [Expectations of the population in a changing institutional world] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 3. Pp. 22–29. (In Russ.).
- Avraamova E.M (2012). Social'nye resursy vertikal'noj mobil'nosti: v ozhidanii modernizacii [Social resources of vertical mobility: awaiting modernization] // *SPERO*. No. 17. Pp. 85–96. (In Russ.).
- Avraamova E.M, Diskin I.E. (1997). Adaptatsiya naseleniya i elit [Adaptation of the population and elites] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 1. Pp. 24–33. (In Russ.).
- Avraamova E.M., Loginov D.M. (2002). Socialno-ekonomicheskaya adaptatsiya: resursy i vozmozhnosti [Socio-economic adaptation: resources and opportunities] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 5. Pp. 24–34. DOI: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-6-86-102>. (In Russ.).
- Avraamova E.M., Maleva T.M. (2015). Socialnye resursy naseleniya v usloviyah poteri ekonomicheskoy stabilnosti [Social Recourses of the Population under Conditions of Losing Economic Stability] // *Voprosy ekonomiki*. No. 11. Pp. 86–99. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-11-86-99>. (In Russ.).
- Anikin V.A., Lezhnina Yu.P., Mareeva S.V., Slobodenyuk E.D. (2020). Kto i pochemu ishchet gosudarstvennoj podderzhki v novej Rossii? [Who and why is looking for state support in the new Russia] // *Mir Rossii*. Vol. 29. No. 1. Pp. 31–52. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-1-31-52. (In Russ.).
- Eritsyun K.Y., Rusakova M.M., Aleksandrova A.A., Usacheva N.M. (2021). Perezhit lokdaun: izmeneniya v zanyatosti i psihologicheskoe blagopoluchie naseleniya v epohu pandemii [Surviving a Lockdown: Changes in Employment and Psychological Well-being of the Population in the Pandemic Era] // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 250–270. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1893>. (In Russ.).
- Gordon L.A. (1995). Oblast' vozmozhnogo: Varianty socialno-politicheskogo razvitiya Rossii i sposobnost' rossijskogo obshchestva perenosit tyagoty perekhodnogo vremeni [Scope of possibilities: Options for the socio-political development of Russia and the ability of Russian society to endure the hardships of transition time]. Moscow: IMEiMO RAN. (In Russ.).

- Gordon L.A. (1994). Social'naya adaptaciya v sovremennyh usloviyah [Social adaptation in modern conditions] // *Sociologicheskie issledovaniya*. No.8-9. Pp. 3-15. (In Russ.).
- Karavay A. V. (2021). Deistviya rossiyan po uluchsheniyu sobstvennogo materialnogo polozheniya v epohu COVID-19 [The Behavior of Russians Aimed at Improving Their Financial Situation in the Era of COVID-19] // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. Pp. 121–137. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1837>. (In Russ.).
- Karavay A.V. (2019). Osnovnye modeli socialno-ekonomicheskoy adaptacii v raznyh stratah rossijskogo obshchestva [Basic Models of Socio-Economic Adaptation in Different Strata of Russian Society] // *Terra Economicus*. No. 17(3). Pp. 128–145. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145. (In Russ.).
- Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2018). Zhizn' v usloviyah neopredelyonnosti krizisnogo obshchestva: opyt i ozhidaniya [Life in an uncertain crisis society: experience and expectations] // *Sociologicheskie issledovaniya*. No. 6. Pp. 66–78. DOI: 10.7868/S0132162518060065. (In Russ.).
- Latova N.V. (2021). Situaciya v strane i perspektivy ee razvitiya cherez prizmu obshchestvennogo mneniya v period pandemii [The situation in the country and the prospects for its development through the prism of public opinion during the pandemic]. *Sociologicheskie issledovaniya*. No. 4. Pp. 37–49. DOI: 10.31857/S013216250013734-0. (In Russ.).
- Loginov D.M. (2020a). Kak rossijskoe naselenie perezhilo krizis vtoroj poloviny 2010-h godov [How the Russian population went through the crisis of the second half of the 2010s] // *Voprosy ekonomiki*. No. 12. Pp. 41–61. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-12-41-61>. (In Russ.).
- Loginov D.M. (2020b). Social'noe samochuvstvie rossijskogo naseleniya v period ostroj fazy epidemiologicheskogo krizisa [Social Well-Being of the Russian Population During the Acute Stage of the Epidemiological Crisis] // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. Pp. 470–487. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1708>. (In Russ.).
- Lyashok V.Yu. (2021). Rossijskij rynek truda: vremya adaptacii [The Russian labor market: the time of adaptation] // *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*. Vol. 28. No. 1. Pp. 61–63. (In Russ.).
- Reznik T.E., Reznik Yu.M. (1995). Zhiznennye strategii lichnosti [Personal life strategies] // *Sociologicheskie issledovaniya*. No. 12. Pp. 100–105. (In Russ.).
- Rimashevskaya N.M. (1995). O social'noj cene reform / Kuda idet Rossiya?.. *Al'ternativy obshchestvennogo razvitiya* [About the social cost of reforms / Where is Russia going?.. Alternatives to social development]. Moscow: Aspekt-Press. Pp. 364–367. (In Russ.).
- Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. (2016). Gorshkov M.K., Tikhonova N.E. (eds.) Kn. 3 [Russian society and challenges of the time. Book III]. Moscow: Ves' mir. (In Russ.).
- Salmiina A.A. (2012). Social'nye zaprosy rossiyan k gosudarstvu: faktory formirovaniya i mezhsranovye sravneniya [Social demands of Russians to the state: factors of formation and cross-country comparisons] // *Mir Rossii*. Vol. 21. No. 3. Pp. 133–164. (In Russ.).
- Shabanova M.A. (1995). Social'naya adaptaciya v kontekste svobody [Social adaptation in the context of freedom] // *Sociologicheskie issledovaniya*. No. 9. Pp. 81–88. (In Russ.).
- Tikhonova N.E. (2006). Resursnyj podhod kak novaya teoreticheskaya paradigma v stratifikacionnyh issledovaniyah [Resource approach as a new theoretical paradigm in stratification studies] // *Ekonomicheskaya sociologiya*. Vol. 7. No. 3. Pp. 11–26. (In Russ.).
- Zaslavskaya T.I. (1995). Socialnyj mekhanizm transformacii rossijskogo obshchestva [Social mechanism of transformation of the Russian society] // *Sociologicheskij Zhurnal*. No. 3. Pp. 5–21. (In Russ.).